

Лики Вечной Женственности в творчестве Эллиса

Глуховская Елена Александровна

Студентка Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия

«Соловьевым таинственно мы крещены», – так выразился Вяч. Иванов в письме к Блоку [Пайман: 211], определив то чрезвычайно важное влияние, которое объединило второе поколение символистов.

Среди философских идей и концепций Вл. Соловьева особый интерес вызвало учение о Софии – Премудрости Божьей. Предметом нашего исследования стал миф и соответствующие ему символы Вечной Женственности в творчестве Эллиса (Л.Л. Кобылинского) – поэта-символиста, друга Андрея Белого, участника кружка «Аргонавты» и издательства «Мусагет».

Материалом послужила книга стихотворений «Stigmata» (1911). В композиции очевидна ориентация на «Божественную комедию» Данте: четко обозначены три части (ад, чистилище и рай). Каждая часть обладает собственной образной и тематической системой.

Исследование показало, что в книге прослеживается эволюция женских образов (как маркированных личными именами, так и «безымянных»), в которых раскрываются черты Вечной Женственности. Встречаясь на мистическом пути героя, они символически определяют его переход от адских пороков к райскому блаженству.

Начинается описание этого пути во втором стихотворении первой части, где рисуется один из пороков – Сладострастие. Ему соответствует образ Розы Ада. Роза Ада – *лик демона*, плотская страсть, греховная любовь. Женские образы этой части представляют служительниц Розы Ада, однако одни героини верны своему пути и гордятся им (*Тебе твое паденье свято, // желанна лишь твоя стезя* [Эллис: 30]), а для других, например, в стихотворении «Римской проститутке», результат падения – обретение власти над людьми: *...твой вздох, твой взор, твой крик // колеблет города и низвергает троны* [Там же: 30].

В последней строфе этого же стихотворения сказано: *Но вот уж близится Креста Голгофы тень, // раба, ты первая падешь к Его подножью, // <...> и станет первую последняя ступень* [Там же: 30]. Параллель с Марией Магдалиной выводит на мысль, что даже для тех, кто пал, возможно спасение и возрождение. Это предвещает переход к следующей части.

Во второй части книги – в «Чистилище» – страстная земная любовь воспринимается персонажами уже как событие прошлого, того, что было когда-то или могло быть. Лирический герой стоит перед выбором: остаться верным Земле и погибнуть или отказаться от всего и достичь заветного спасения. Это спасение еще далеко, но он верит в него и выбирает путь служения Пречистой Деве: *Заупокойные напевы // меня зовут, замкнув уста, // пасть у престола Вечной Девы, // обняв подножие Креста* [Там же: 41].

Дева Мария – Роза Роз – противопоставлена Розе Ада как образ, наделенный благороднейшими чертами женского и материнского характера.

Образ ее проходит через всю книгу, но лишь в «Раю» раскрывается во всей полноте. Ей посвящен последний цикл книги. Ему предшествуют еще несколько. Один из них особенно важен – это цикл «Беатриче».

Для Данте Беатриче – олицетворение идеала. Любовь к женщине перерастает в религиозное чувство, обожествление человека. Подобным образом воспринимает Беатриче и Эллис. Уже в первом стихотворении цикла («Данте и Беатриче») в рассказе о Беатриче есть следующие строки: *И голос прозвучал в душе мятежной: – // «Ты побежден, се – Бог перед тобой!..»* [Там же: 72]. Беатриче приравнивается к Божеству.

Во втором стихотворении («Беатриче умерла») весть о смерти Беатриче сопровождается описанием роз, белого голубя – реалий, традиционно сопутствующих Деве Марии. Появляется мысль о тождестве Беатриче и Богоматери. Но в стихотворении

«Свидание» изображения Беатриче и Девы Марии расходятся: *В час, как Биче опочила, // я над ней ослеп от слез, // но улыбкой озарила // сумрак вечный Роза Роз. // Встань, исполнись ожиданья! // Верный, за любовь твою // днесь торжественно свиданье // обещаю вам в раю* [Там же: 73]. Роза Роз – Дева Мария, а Беатриче – земное существо, попавшее после смерти в рай.

Возникает вопрос: когда автор говорит о Беатриче, а когда о Деве Марии? Ответ - в последнем стихотворении цикла («Беатриче»). Вначале не называется, о ком идет речь, создается впечатление, что герой обращается к Богородице: *Где власть Отца? // Где утешенье Духа? Лишь Ты сошла без плача и без зова // и Ты не опорочена Одна* [Там же: 74]. Затем следуют три ключевые терцины: *Ты – верный страж, наставница благая, // Ты – вождь крылатых, райских верениц, // путеводительница дорогая, // разгадчица моих заветных снов, // там – вечно та же, здесь – всегда другая, // прибежище, порука и покров* [Там же; 75]. И далее, после многочисленных характеристик, в последней строке называется заветное имя: *и я не смел пошевелить уста, // но сердце мне сказало: «Беатриче!»* [Там же: 77].

«Там» значит на Небе, где царствует «вечно та же» Заступница и Спасительница Дева Мария, «здесь» – на Земле, где в различные эпохи появлялись «всегда другие» представления о ее воплощении. Этим объясняется общность многих их характеристик. Беатриче – это дантовский вариант небесного инварианта Богородицы.

Заканчивается третья часть и вся книга циклом «Ave Maria». Лирический герой обретает желанное спасение, которое становится возможным благодаря Деве Марии как Соискупительнице и Посреднице: *Я спасен! Подо мной воют яростно адские бездны, // призрак в маске железной меня стережет на пути... // Надо мной в небесах снова луч зажигается звездный. // Я, рыдая, молюсь, и мне радостно дальше идти!* [Там же: 98].

Таким образом, образ Девы Марии, как воплощение любви и милосердия, исполненная жизнью Вечная Женственность христианизированного образа Софии во многих его реализациях, имел для Эллиса решающее значение, определив поэтику его первой поэтической книги «Stigmata».

Литература

Пайман А. История русского символизма. М., 2000.
Эллис. Стихотворения. Томск, 1996.